

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Российская социологическая мысль: ключевые концепции в свете когнитивной теории¹

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

*Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор, факультет социальных наук, НИУ ВШЭ. Адрес: Москва, ул. Ильинка, д. 13. E-mail: amedushevsky@mail.ru

Цитирование: Medushevskii A. (2015) Russian Sociological Thought: Key Concepts in Light of Cognitive Theory. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 108–132 (in Russian)

Российская социологическая традиция как часть мировой социальной мысли имеет ряд важных особенностей, вызванных ее формированием, структурным местом в общей системе мировой гуманитаристики и практической включенностью в социальную трансформацию. Среди них – холистический взгляд на социальный феномен и его кризисы, концепция отношений общества и государства, общее суждение о преступлении и наказании, интегральная концепция личности.

Основным элементом всех этих теоретических конструкций выступает идея этической ответственности научной интеллигенции в ее социальных, правовых и моральных измерениях. В противоположность более статическим и формальным теориям западного происхождения этот элемент существенно видоизменял не только интерпретацию классических тем, но и определял превалирующий интерес к некоторым специфическим областям социологических исследований, таким как конфликт между статическими и динамическими формами регуляции, циркулирующими социальными фреймв, соотношению права и справедливости, так называемому правовому дуализму, внеправовым формам отношений собственности, поведения и девиаций.

Эффективная реконструкция данных ключевых позиций российской социологической мысли возможна на базе когнитивной теории – теоретического подхода, подчеркивающего значение психологических установок индивида и социальных групп в процессе когнитивной адаптации и целенаправленной деятельности. Все эти аспекты русского социологического наследия, обычно игнорируемые исследователями, имеют чрезвычайную важность для интерпретации выводов и прогностических рекомендаций русской социоло-

¹ Статья написана в рамках научного проекта (№ 15-01-0014), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015–2016 гг.

гии, осуществившихся в ходе революционной трансформации XX столетия и принципиально важных для постсоветских социальных экспериментов новейшего времени.

Ключевые слова: социологическая мысль, когнитивная теория, циркуляция социальных фреймов, право и справедливость, правовой дуализм, социальные девиации, личность, революция, реформа, модернизация, отношения общества и государства, публичная этика

Введение

Традиция научной мысли – это процесс передачи доктрин, понятий, практик, установок и форм организации научной деятельности. Преемственность традиции основана на приверженности научного сообщества соответствующим стереотипам мышления и мотивации поведения в науке. Существуют две принципиально различные интерпретации традиции: стабильной, «замороженной» реальности и «живой традиции» – динамичной реальности, постепенно наполняющей старые стереотипы новым смыслом. Российская классическая социологическая традиция (сформировавшаяся на рубеже XIX–XX вв.) перестала существовать в первом (статическом) понимании данного понятия, но, безусловно, сохраняется во втором – динамическом: современная социологическая мысль опирается на классическое наследие, использует выдвинутые в нем концепции и понятия, разделяет профессиональные ценности и установки.

В отличие от предшествующих исследователей русской социологической мысли, ориентированных на ее реконструкцию [Общественная мысль России 2005; *Общественная мысль России 2011*], основное внимание в данном исследовании обращено на ее истолкование – выявление тех концепций русской социологии, которые сохраняют значение для современности. К ним относятся холистическая концепция общества (единство естественно-научного и гуманитарного подходов в рамках философии космизма), теория социальных кризисов, конфликт права и справедливости как движущая сила социальных преобразований, особый тип отношений общества и государства в русской истории, решение проблемы преступления и наказания, интегральная концепция личности и социальной ответственности интеллигенции, направленный поиск смысла существования в трансформирующемся обществе.

Наиболее убедительные решения этих проблем возможны с позиций когнитивной теории гуманитарного познания – выяснения психологических мотивов содержательного конструирования тех или иных концепций, принципов и норм, их фиксации в научных трудах (реализованных продуктах человеческой психики) и интерпретации в научном сообществе. Эмпирической основой такого исследования выступает вся совокупность трудов российской социологической школы, но первостепенное внимание отводится тем, которые фиксируют этапы постижения смысла – положения, имеющие характер научных парадигм в рамках всего сообщества исследователей. Переосмысление вклада российской социологической традиции с позиций когнитивной теории составляет основную идею данной статьи.

Когнитивно-информационная теория в гуманитарном познании XX–XXI вв.

В гуманитарном познании XX – начала XXI вв. констатируются трудности, связанные как с отсутствием теории, адекватной современному состоянию науки, так и с дефицитом четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей – *несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности*. Три основных проблемы приобрели ключевое значение в новейшее время: глобализация, информатизация и познание «другого», т.е. мотивации поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов – *глобализация* – привел к разрушению устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса проходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс – *информатизация* (рост объема информации и скорости ее распространения в результате появления новых технологий) – уже к середине XX в. стал причиной крушения линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс – *познания «другого»* – связан с необходимостью восприятия чужой культуры и мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (т.е. таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения) [Медушевская (1) 2010; Когнитивная история 2011; Круглый стол по книге О.М. Медушевской 2010].

Общим результатом этих процессов стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX в., *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности концепции мировой истории, в отрицании за историей звания полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в германской неокантианской философии истории начала XX в.), отказ от сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идиографических – неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Действительно, основная проблема методологии социального познания связана с самим объектом исследования: внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен; внешнее поведение индивида и групп не охватывает сущностных свойств человека; эксперимент и непосредственное наблюдение возможны лишь в ограниченной степени. Это приводит многих современных исследователей к выводу о невозможности социального (исторического) познания в принципе или, во всяком случае, недопустимости такого познания как строго научного [Единство гуманитарного знания 2007; Точное гуманитарное знание 1999; Диалог культур 2014].

Решение данной проблемы стало возможно в результате создания *когнитивного метода в гуманитарном познании*. Его основные положения вполне определены и логически взаимосвязаны. Исторический процесс есть совокупность

человеческих деятельностей, спонтанно развивающихся во времени; поэтому история – процесс, т.е. продвижение во времени. Роль социума в становлении человека с этих позиций приоритетна: она заключается не только в антропологической, но и *когнитивной адаптации индивида* – освоении общих навыков коммуникации (речи), понимания, творчества как преобразования доступного информационного ресурса, понимания его универсальных параметров. Присущее индивиду свойство воспринимать информационный ресурс, заключенный в интеллектуальных продуктах, созданных другим человеком и включать его в свою информационную картину («информационный магнетизм») позволяет раскрыть различие между антропологической и когнитивной видами социальной адаптации: последняя состоит как раз в освоении способности индивида завершить *цикл активного мышления* фазой фиксации его результата в виде интеллектуального продукта, вещи и умения расшифровать его информацию [Медушевская 2008].

Эта схема позволяет говорить об информационном *обмене между индивидами и социумом*. Важно, что каждый новый уровень преобразований динамической информации в статическую (продукт) и продукта в динамическую информацию участников социума идет непрерывно: даже если индивид по тем или иным причинам выбывает из этого функционирования, его продукт продолжает свое участие в информационном обмене. Поэтому каждый его новый виток идет не по кругу, а постоянно наращивает общий объем информационного ресурса, участвующего в информационном обмене. Есть в этой схеме преобразовательные ситуации, которые индивид совершает в глубине своего сознания. Это *идея обретения смысла*, понимания, творчества, когда мысль выступает в виде идеального образа будущего интеллектуального продукта. Накопление информации в вещественных формах составляет содержание *прогресса* в истории; информационные связи внутри социума замкнуты. Это его общая картина мира [Медушевская (2) 2010].

Модель (или схематически выраженная ситуация) информационного обмена в человеческом обществе опирается на понимание человека как живой системы, имеющей врожденную предрасположенность к образованию информационной картины мира, существующей в сознании, – идущую вовне; к преобразованию информации, хранящейся в памяти, – переходящую в интеллектуальный продукт в виде вещи, изделия. Схема такого информационного обмена может быть представлена следующим образом: 1) реальный мир и его воздействие на индивида; 2) накопление в сознании и памяти данных об окружающем мире; 3) осмысление этой информации в виде постижения связей эмпирического фрагмента окружающего мира с системными связями, действующими в мировом универсуме (понимание смысла); 4) формирование в сознании идеи о том, как надо действовать индивиду в данных условиях; 5) преобразование этого понимания в идею целенаправленной деятельности; 6) трансформирование по ходу деятельности идей в продукт (превращение динамической подвижной информационной картины индивида в статическую); 7) восприятие эмпирической данности продукта социумом и перестройка информационного ресурса продукта в динамическую информацию индивидов, составляющих социум, что в свою очередь возвращает их к деятельности.

Раскрытие логики рационального познания позволяет завершить его *переходом к познавательной деятельности на основе нового понимания реальности*. На этой основе становятся возможными выстраивание методов и критериев *доказательности и проверки* знания, научное конструирование – *построение модели* (схематически выраженной ситуации информационного обмена) для создания

логически непротиворечивой концепции социального (исторического) процесса – и *прогнозирование* – аналитический вклад, в ходе которого выявляются фазы процессов, прошедших в прошлом, и просчитывается наступление последующих фаз аналогично протекающих процессов [Медушевская 2013]. *Познаваемость социального (исторического) процесса* определяется тем, что созданные интеллектуальные продукты выступают как неотъемлемая составляющая любой целенаправленной деятельности. Это дает социологии истории стабильный, вещественный и доступный непосредственному изучению реальный объект.

Кризисы XX века и русская социологическая мысль

Формирование картины мира в процессе информационного обмена включает конструирование категорий пространства и времени, образцов (фреймов) восприятия, а также их фиксации в понятиях и материальных формах. Этот подход в современной науке опирается во многом на русскую школу социологии (М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина, Н.С. Тимашева, Г.Д. Гурвича), сформировавшуюся под определенным влиянием феноменологического подхода в философии истории и психологии [Тимашев 1961]. В связи с этим становится вполне очевидным *влияние русской социологической школы на становление ряда ключевых направлений мировой социологии*: на общую теорию социальной и культурной динамики и социальной мобильности, культурную антропологию, теорию рационального выбора, бихевиоризм, институционализм и на такие направления современной социологической мысли, как социология культуры, истории, права, криминология и политическая социология [Историческая антропология 1998; Криминология 2000]. Данное направление исследований актуализируется в контексте интеракционизма, теории социального обмена, функционализма, а также в инструментальных подходах социологии права, политической социологии и истории. Российская гуманитарная мысль и социологическая школа представит как *научная теория, стратегия социальных преобразований, программа решения конституционного вопроса и политическая практика эпохи революций* начала XX в. [Общественная мысль России 2005]. Эта теория обладает признаками цельной научной парадигмы – реализовавшегося научного прогноза [Общественная мысль России 2011]. Данная парадигма – это *модель объяснения социального кризиса*, с которым мир столкнулся на рубеже XIX–XX вв. Она представляла собой уникальную попытку теоретического и междисциплинарного осмысления данного явления (поскольку в ее разработке приняли участие философы, экономисты, праведы, литературоведы, социологи и публицисты), но, что еще более важно, предлагала объясняющую схему и концепцию выхода из кризиса [Вежи 1989].

Анализ кризисов – центральная тема XX в. За прошедшие сто лет человечество столкнулось с тремя мировыми кризисами – начала XX в., его середины и современным кризисом (конца XX – начала XXI вв.). Возникли различные учения, объясняющие данный феномен и его деструктивные следствия для общества; важной остается и *теория экономических циклов*. Как показывает изучение природы цикличности (экономической и политической), начатое Н.Д. Кондратьевым, она связана с исследованием психологического феномена, заставляющего людей изменять свое поведение на разных стадиях экономического развития [Кондратьев 1993]. *Идея циклич-*

ности развития (в ее трактовке Й. Шумпетером, А. Тойнби и П. Сорокиным) была применена к изучению культуры, социальных и политических процессов. *Теория конституционных циклов*, предложенная нами, – это результат теоретического анализа конституционного процесса и эмпирических наблюдений за его динамикой.

Конституционный цикл охватывает весь спектр конституционных состояний – от признания действующей конституции утратившей легитимность до создания новой – и включает в себя те же фазы, что и цикл экономический: кризис (объявление старой конституции утратившей законную силу и осознание необходимости разработки новой); депрессия (фактическое прекращение действия старой конституции, раскол общества в отношении конституционных перспектив); оживление (достижение определенного согласия по вопросу о тех принципах, которые должны быть закреплены в основном законе); подъем (введение в действие новой конституции). Институционально различные фазы цикла выражаются в утрате легитимности старой властью, появлении ряда конкурирующих центров конституирующей (учредительной) власти, достижении компромисса между ними и формальном введении в действие новой конституции.

Выраженная *цикличность экономического, конституционного и политического развития* является отражением нестабильности правовой системы в целом, проявляющаяся в последовательной смене периодов деконституционализации, конституционализации и реконституционализации, причем каждый раз на основании новых идеологических принципов и соответствующих иностранных моделей [Медушевский (2) 2005]. Конституционные революции, радикально отвергающие предшествующую модель (а часто и всю историческую традицию), не содержат конструктивных элементов обеспечения политико-правовой преемственности, что делает их конституционные достижения крайне непрочными. Угроза новых кризисов и последующих реконституционализаций остается постоянным фактором российского общества, периодически приводя в действие механизм завершения очередного цикла авторитарной фазой.

В контексте этих теорий по-новому выясняется значение *социологической теории* рубежа XIX–XX вв. Если говорить в рамках феноменологического подхода о форме как конструировании реальности и социальном проектировании, то данная парадигма – это, безусловно, вариант такого социального конструирования. Перспективно рассмотреть эту модель прогноза, сопоставимого с рядом других принципиальных прогнозов, которые рассматриваются как реализовавшиеся в истории (идеи Де Местра, А. де Токвиля, М. Вебера, Х. Ортеги-и-Гассета, Дж. Оруэлла и других ученых и писателей XX в.). Из коллективных исследований можно упомянуть доклады Римского клуба (прогнозы которого, построенные на дельфийском методе, также основаны на привлечении специалистов разных областей знания – философов, экономистов, демографов, экологов и проч.). Ключевое значение здесь приобретает *вопрос о соотношении социальной стабильности и отказа от нее – когнитивного диссонанса* – противоречия интуитивных представлений общества о справедливости и существующей системе норм и институтов, далеких от этого психологического или этического идеала. Разрешение конфликта возможно двумя путями – деструктивным (революционное разрушение современного общества) или конструктивным (путем постепенных реформ и осознания социальной ответственности за избранный им вектор развития).

Но психология в свою очередь зависит от ряда факторов, которые меняют свое значение. *Специфика современного кризиса* (эпохи глобализации) заключается

в том, что он имеет глобальный характер, в значении информационного феномена в его развитии, а также в том, что поведение индивидов в значительной, если не определяющей, мере обусловлено формированием их идентичности (в быстро меняющейся картине мира). В связи с этим значимым моментом является вывод когнитивно-информационной теории познания о возможности интерпретировать современный кризис как *конфликт по линии доступа к подлинной информации*, имеющей когнитивное значение (в отличие от имитационной информации, которая такого значения не имеет) [Медушевский 2009].

Модель общества и власти: концепция социальной революции в России

Рассматриваемая парадигма – это не только философская конструкция, но и анализ механизмов социального устройства революционной России. Если говорить о *социологической концепции русского общества*, то она присутствует здесь в полной мере – концепция государственной (или юридической) школы, давшая в лице ее крупнейших представителей (Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича) объяснение возникновения и социальной специфики российского социума – отношения в нем общества и власти, специфики сословного строя и динамики его развития («закрепощения» и «раскрепощения» сословий государством); вообще роли государства в русском историческом процессе [Медушевский 1993]. Эта концепция, получившая затем развитие в рамках сравнительных историко-правовых и социологических подходов на огромном эмпирическом материале (в трудах М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Н.П. Павлова-Сильванского) раскрыла как общие параметры русского исторического процесса, так и его специфику, коренящуюся в *особом типе отношений общества и государства*, формировании сословного строя, *роли государственной власти в осуществлении направленных социальных и экономических преобразований* [Ковалевский 1997; Кареев 1996]. При таком подходе центральное место приобретал *анализ соотношения исторической традиции (традиционного сознания и установок) и вызовов модернизации* (в этом отношении особенно важен вклад В.О. Ключевского). В целом данная концепция представляла теорию модернизации России без революции, т.е. – перехода от сословного общества к гражданскому и от абсолютизма к правовому (конституционному) государству [Муромцев 2010; Кокошкин 2010; Кистяковский 2010; Гессен 2010; Медушевский 2010].

Данные выводы аргументировались с позиций естественно-научных представлений (теория ноосферы В.И. Вернадского) [Вернадский 1977], экономических представлений (теория циклов Н.Д. Кондратьева и экономических кризисов М.И. Туган-Барановского) [Туган-Барановский 1998], социологии права [Ковалевский 1997; Кокошкин 2010; Кистяковский 2010], социологии истории [Лаппо-Данилевский 2010], политической социологии [Острогорский 2010] и определяли вклад данного направления в теорию правового государства и конституционного движения (П.Н. Миллюков) [Миллюков 2000]. Обостренное ощущение хрупкости человеческой цивилизации, ее уязвимости перед лицом глобальных и внутренних конфликтов особенно характерно для общей социологической теории, созданной П.А. Сорокиным в разгар русской революции и Гражданской войны [Сорокин 1993]. Это, по сути, были *основы социологии социальной революции XX в.*

[Общественная мысль России 2005]. Ученые, опиравшиеся на эту теоретическую традицию, сконцентрировали внимание на вытекающих из нее выводах в отношении революции как историко-культурного и психологического процесса. Их подход, в сущности, развивал известную теорему Токвиля о *приоритете психологических факторов и когнитивных установок в формировании революционной ситуации*. Эти исследователи писали о конфликтах трех уровней: во-первых, между народными массами и интеллигенцией (конфликт, начавшийся со времени петровской европеизации и ставший причиной образования пропасти между традиционным религиозным народным сознанием и «образованным» классом); во-вторых, между интеллигенцией и властью, точнее, бюрократией, заинтересованной в сохранении стабильности любой ценой (этот конфликт приводил к оппозиционности интеллигенции); в-третьих, конфликт получал выражение и на уровне индивидуальной личности (колебания радикальной интеллигенции, завершавшиеся отказом от рационального социального выбора).

Подчеркнем принципиальное *отличие этой социологии революции от ее марксистской версии*, ставшей доминирующей в постреволюционной России. В отличие от однозначной экономической и классовой интерпретации ее причин, развития и результатов [Рожков 1923; Покровский 1924; Крицман 1926], представители академической традиции видели ее существо в конфликте позитивного права и психологических (интуитивных) установок традиционного общества [Петражицкий 2010], торжестве социальной девиации как следствия столкновения рефлексивного поведения масс и его репрессивного подавления (И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, П.А. Сорокин, Н.И. Кареев) [Кареев 1996, Сорокин 2010], кризисе традиционного аграрного общества в условиях модернизации (М.И. Ростовцев) [Ростовцев 2003], а общий итог усматривали в феномене ретрадиционализации и установлении новой «красной тирании» [Тимашев 1961] как прообраза тоталитарного государства.

Системная теория видит в революции частный случай проявления универсальной тектологической закономерности – процессов интеграции и дезинтеграции социальных систем, связанных с изменением внешнего окружения и сопровождающихся качественным изменением форм и внутренних границ структурных элементов [Богданов 1925]. Революции в обществе представляют «разрыв социальной границы» наподобие физических процессов (кипение воды – разрыв физической границы между жидкостью и атмосферой) или биологических (смерть – разрыв жизненной связи организма) [Богданов 1925]. Вклад данной теории определяется возможностями анализа распада старых социальных форм (их «дезинтегрессии») и поиска механизмов создания новых и их правового выражения. Этот подход включал в себя анализ когнитивных, а также информационных и поведенческих установок, делавших потенциальную возможность революции неизбежной социальной реальностью: «Революция, – суммировал А.М. Ону, – есть судорога общественной жизни, акт конвульсивный, насильственный, вызванный нетерпением, нежеланием ждать, что все само собою образуется, раздражением и верою в непрочность того порядка, который люди, прежде молча терпевшие, решили испровергнуть насильственным путем» [Ону 1929, с. 32].

Возможности верификации (проверки выдвинутых гипотез как важной, если не важнейшей, черты научного прогноза) определялись понятийным рядом, системой ценностно-беспристрастных критериев и использованием эмпирических (статистических) методов исследования гипотез, которые вполне могут рассма-

триваться как поддающиеся эмпирической проверке [Точное гуманитарное знание 1999]. Достаточно указать на *основные прогностические выводы российских социологов и конституционалистов*, нашедшие подтверждение в социальной практике постреволюционной России и определявшие ее развитие в XX в. Анализ социальных конфликтов на макроуровне, проведенный в рассмотренных сочинениях, показывает, что именно они явились наиболее существенными в условиях Гражданской войны и доминировали на протяжении последующего столетия. Конфликт традиционного крестьянства и государства, зафиксированный российской наукой, был разрешен в результате сплошной коллективизации (и фактического уничтожения традиционного крестьянства). Тезис о возможности завершения революции установлением деспотического режима не нуждается в особых комментариях в контексте появления в России одной из самых жестоких диктатур XX в. *Наблюдение о неподготовленности традиционного сознания к правовой организации* (так называемом «правовом нигилизме») нашло подтверждение в том, с какой легкостью правовые нормы и институты – от судов и земских учреждений до парламентаризма и конституционализма – были уничтожены в результате революции и с каким трудом идет их восстановление сейчас (если учесть показатели спроса на право и доступа к правосудию, а также коррупции в судебных учреждениях).

Право и справедливость: реконструкция институциональной динамики в обществах переходного типа

Соотношение понятий права и справедливости вполне закономерно стало отправной точкой всех социологических концепций социального кризиса. В современной литературе, продолжающей, по существу, эту линию русской социологической мысли, представлено три различных подхода к определению социальной справедливости, понимаемой как философская и социологическая категория. Первый – это дистрибутивная теория справедливости, которая (вслед за Ж.-Ж. Руссо) понимает справедливость как распределение прав и исходит из того, что предоставление прав одной категории населения не должно ограничивать права другой. Второй – легалистский подход, определяющий справедливость как синоним законности, исходит из того, что понятие справедливости может иметь различный (и изменчивый) философский смысл, но важно четко зафиксировать процедуры изменения этого смысла в позитивном праве. Третий подход сводит понятие справедливости к исторической традиции данного общества – тем архетипам сознания, которые укоренились в данном обществе и типе культуры.

Вопросы, поставленные современной наукой, были актуальны в России еще в конце XIX – начала XX вв. В русской философии были представлены три позиции о соотношении права и справедливости: 1) право стоит выше морали (Б.Н. Чичерин); 2) право есть гарантированный минимум нравственности (В.С. Соловьев); 3) мораль стоит выше права (Л.Н. Толстой). Последняя точка зрения (отрицание права во имя нравственности) есть основа нигилизма и революционного поведения в тех случаях, когда ее носители не останавливаются ни перед какими средствами для достижения цели [Валицкий 2012, Берлин 2014].

Одним из проявлений конфликта права и правосознания (представления о справедливости) в обществах переходного типа выступает *ситуация правового*

дуализма – существования в одном обществе двух правовых систем – позитивного права (со временем все больше находившего выражение в рецепции норм западного происхождения) и права обычного (в основном норм неписаного крестьянского права), которое лишь отчасти было отражено в действующем законодательстве, но составляло основу правового самосознания подавляющей части населения страны. Выражением этого становилось нестабильное соотношение двух видов права – закрепленного в законах и представленного в устойчивых стереотипах массового сознания. Вся западноевропейская и русская правовая наука стремилась дать приемлемое теоретическое объяснение феномена кризиса права и систем социального регулирования в XX в., были представлены социологические конструкции этого явления – конфликта правосознания и права как фактов коллективного сознания (Э. Дюркгейм), здоровых и патологических ситуаций (Г. Тард), инерции и прогресса (Ч. Ломброзо), легитимности и законности (М. Вебер), живого права и мертвого (Е. Эрлих), естественного и позитивного права (Г. Кельзен). Но доминирующим направлением в объяснении кризиса права стали философские и социологические теории правового дуализма, предложенные русской мыслью, прежде всего концепцией Петражицкого, интерпретировавшего революцию как конфликт права и интуитивных форм правового сознания (завышенных моральных ожиданий, подкреплявшихся традиционалистскими когнитивными установками) [Медушевский 2006].

В центре внимания правительства и академического сообщества постоянно находилась проблема преодоления правового дуализма, связанная с рационализацией правовой системы страны, модернизацией традиционных норм российского поземельного права, которая нашла выражение в дебатах о проекте Гражданского Уложения Российской империи. Проблема кодификации гражданского права стала одной из центральных в пореформенной России второй половины XIX – начала XX вв. В дискуссиях по ней выступали крупнейшие теоретики права и цивилисты – К.Н. Анненков, А.Х. Гольмстен, С. Зарудный, К.Д. Кавелин, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, К. Малышев, С.А. Муромцев, С.В. Пахман, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский, В.И. Сергеевич, Г.Ф. Шершеневич, – выдвинувшие различные теоретические концепции системы кодификации. Они предложили формулы кодификации, во многом выходящие за рамки ее чисто юридического понимания (простой систематизации норм действующего права) и включавшие концепции правовой модернизации общества – своего рода юридического конструирования социальной реальности. Особое внимание было уделено проблеме регулирования традиционных форм земельной собственности в новых условиях, а также переходных форм собственности, владения и пользования землей. Такая постановка вопроса позволяет по-новому интерпретировать научные дискуссии рассматриваемого периода, в частности, смысл использования ряда категорий римского и западного права для выражения сложной реальности поземельных отношений пореформенной России и путей их трансформации.

Принципиален вывод российской науки о *содержании так называемого аграрного вопроса*: в его основе лежат не столько экономические, сколько психологические причины – осознание обществом проблемы легитимности прав на владение землей. Легитимность (или нелегитимность) собственности определяется тремя измерениями: порядком ее распределения в обществе, способами ее приобретения в прошлом и средствами ее защиты в настоящем. Проблема имеет, следовательно, когнитивно-психологический характер: там, где присутствует осознание несправедливости существующей системы распределения земельных

ресурсов (независимо от реальной ситуации в экономике страны), аграрный вопрос обязательно существует; а там, где такое осознание в широких массах или представлениях мыслителей отсутствует, аграрного вопроса (во всяком случае, как социального феномена) не существует (даже при наличии экономически неэффективной и политически необоснованной правовой системы земельной собственности). Поэтому основная задача разрешения аграрного кризиса состоит в компромиссном и юридически обоснованном разрешении *проблемы легитимности собственности* – преодолении правового дуализма [Медушевский (1) 2005].

Ситуация правового дуализма в пореформенной России получала различные интерпретации: одни исследователи полагали, что она отражает существование двух полноценных и конкурентоспособных правовых систем; другие – что эти две системы неравноценны и следует говорить скорее о соотношении двух видов права (писаного и обычного); третьи – что имеет место противоречие позитивного права и социального факта. Исходя из этого, выдвигались три концепции разрешения вопроса: революционно-популистская, демагогически противопоставлявшая право сельской общины как более «справедливое» «несправедливому» государственному праву (различные народнические и аграрно-коммунистические доктрины); формально-юридическая, усматривавшая преодоление дуализма в распространении сферы действия гражданского права на обычное крестьянское право или усматривавшая решение вопроса в преобразовании фактических отношений в соответствии с позитивным правом [Муромцев 2010; Коркунов 2010; Гессен 2010]; наконец, консервативно-историческая, отстаивавшая необходимость возврата к началам «исторической самобытности». Эти три направления интерпретации четко выражены в российской мысли у социологов народнического направления (от Н.К. Михайловского до эсеров); либерального направления (от Б.Н. Чичерина до кадетов) и консервативного направления (от К.П. Победоносцева до неославянофилов и современных почвенников).

В контексте этих идей становятся более понятными интенсивные споры социологов по поводу *соотношения различных форм социальной зависимости* в России (феодализм и служилое государство, государство-вотчина, крепостное право, пути закрепощения и раскрепощения общества) [Кареев 1996]. Общий вывод, который можно сделать в результате сравнения римских, западных и российских форм социальных отношений, сводится к следующей формуле: крестьяне в России продавали вначале путь от свободных к крепостным; затем от крепостных к своего рода свободным арендаторам (в пореформенный период, особенно по результатам столыпинской реформы); наконец (уже в постреволюционный период), к модернизированной форме новой социальной зависимости – возрожденному колонату, представлявшему собой своеобразное сочетание ограниченной личной свободы с жестким фактическим (но не юридическим) прикреплением к земле. Данная система интерпретируется также как публично-правовой сервитут, что отражает наличие единого собственника земли (государства) и предоставления всем права на пользование ею. Если считать сервитут пережитком феодализма и вотчинного хозяйства (как думал, напр., А. Корнилов), то можно говорить о возрождении государства-поместья и элементов вотчинного права. Этот тип государственности определялся в социологии также как «литургическое государство» по аналогии с Византийской империей (М. Вебер), как «азиатский способ производства» (марксистские критики режима) или как «восточная деспотия» по аналогии с азиатскими деспотиями Востока (К. Виттфогель). Все они подчеркивали, что этот тип основыв-

вался на феномене «пожирания общества государством», когда их вообще становилось трудно разграничить – феномене, возрожденном к жизни государством Ленина после революции 1917 г. и достигшем пика формы в социально-политической системе сталинизма. Вопрос о *воспроизводстве традиционных институтов и форм сознания в новых социальных условиях* есть часть проблемы социальной и когнитивной адаптации общества к глобальным изменениям, поэтому этократический тип общества занимает особую нишу в контексте мультилинейного цивилизационного развития эпохи глобализации [Шкаратан 2014].

Установив аналоги наиболее характерных институтов русской правовой традиции институтам западного происхождения и предложив их социологическую дефиницию, понимаем, что речь идет не столько об их уникальности, сколько, скорее, о нетипичности в новое и новейшее время в странах с развитой рыночной экономикой. Их существование вполне вписывается в представления о запаздывающем социальном развитии стран Восточной Европы, интерпретировавшиеся в рамках концепции «второго издания крепостничества» Нового времени. Проявлением этой тенденции стали и так называемые социалистические формы собственности – государственная и колхозно-кооперативная, а также свойственные им отношения зависимости. Фактически они выражают *сохранение традиционных норм в изменившейся социальной реальности*, способствуя процессам ретрадиционализации. В настоящее время их существование выступает тормозом предпринимательской деятельности и выражается в *особенностях правосознания – в форме уравнильно-распределительных предрассудков* традиционалистской части населения. С отказом от советского фетиша слияния публичного и частного права проблема правового дуализма возникла вновь, приведя к формированию конфликта позитивного права и правосознания при решении таких вопросов, как принятие норм частного права, приватизация земли и предприятий, ранее принадлежавших государству, создание конкурентной экономической среды и институтов независимого судебного контроля, институциональной инфраструктуры рыночной экономики.

Природа социальной девиации: преступление и наказание

Направления поисков в теоретической литературе по криминологии, уголовному праву и юридической антропологии представлены двумя школами – классической (юридической) и социологической, различавшимися не только общим подходом к праву, но и интерпретацией таких важнейших категорий, как *преступление и наказание*. *Классическая школа* (Н.С. Таганцев, В.Д. Набоков) считала, что в основу науки уголовного права следует положить само уголовное право, т.е. совокупность юридических норм, регулирующих преступление и наказание как юридические отношения. Это истинная область юриста, который может выходить за пределы правового анализа исключительно для проверки того, насколько выработанные понятия соответствуют социальным и антропологическим данным. Напротив, *социологическая школа* права видела смысл юридической науки в выяснении социальных (психологических) факторов, определяющих правовое или неправовое поведение личности.

Становление европейской и русской социологии шло по линии перехода от метафизических монистических теорий к плюралистическим, многофакторным

моделям объяснения общественных явлений (М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, П.А. Сорокин). Противопоставив легалистской интерпретации справедливости (свойственной для классической школы) содержательную, социологическая школа столкнулась с трудностью *определения преступления*. История вопроса включала идеи таких европейских мыслителей, как Ч. Беккариа, И. Бентам, Ч. Ломброзо, Ж. Ферри, Ф. фон Лист, Г. Тард, М. Жоли, А. Принс, а также и русских ученых – Н.А. Неклюдова, М.В. Духовского, И.Я. Фойницкого, Д.А. Дриля. Помимо этого, проблемы уголовной социологии разрабатывались в трудах Д.А. Дриля, М.Н. Гернета, А.А. Пионтковского, Е.Н. Тарновского, А.Ф. Кистяковского, М.Н. Чубинского; они дали анализ факторов, определяющих развитие преступности, и утверждали возможность прогнозирования в этой области [Медушевский 2006].

Обращение к социальным факторам стало ответом на неэффективность традиционных подходов. Реконструируя социальную картину преступления, И.Я. Фойницкий высказывался о необходимости изучать тотального человека (*l'homme total*), совершившего преступление во всех ситуациях, в которых он выступает разрушителем общественного порядка, целесообразности исследовать «среду и условия» (*le milieu et les conditions*) [Фойницкий 1907, с. 2–3]. Он считал, что на деятельность человека влияние оказывают три параметра: а) социальные условия: семья, образ жизни, социальная позиция, религия; в) индивидуальные физические и моральные условия: пол, возраст, физические несовершенства, физические особенности; с) космические условия, способные вызвать инкриминируемые акты: точная топография места, где было совершено преступление. Социологическое направление исследований должно было завершиться научным конструированием системы эффективных норм, способных отразить вызовы нового времени: так, Д.А. Дриль констатировал существование трех социологических законов, в соответствии с которыми развивается право: эволюции, борьбы за существование и селекции [Дриль 1912]. В книге профессора Психоневрологического института С.К. Гогеля обосновывался отказ от уголовной политики и выдвигалась концепция уголовной социологии (и психологии) как основного направления реформ правовой системы [Гогель 1910].

Классификация преступлений разрабатывалась как часть этой проблемы и могла проводиться на основе различных критериев, сама разработка которых стала предметом обсуждения в рассматриваемый период. Анализ факторов преступности в русской литературе включал факторы внешней природы (климат, время года, цены на хлеб, эпидемии), социальные факторы (плотность населения, в особенности населения, находящегося в возрасте, когда человек способен совершать преступления), экономическое положение (бедность и богатство, мир и война, жизнь в городе и в деревне, влияние школы, церкви, печати, значение явлений народной безнравственности – алкоголизм, рост половой безнравственности в виде проституции, наклонность к разводам, число незаконных рождений), наконец, факторы индивидуальные (возраст, пол, наследственность, здоровье и болезнь, образование и специальность, занятие) [Гернет 1906]. Эти факторы рассматривались во взаимодействии, причем, как правило, выделить одни из них в качестве решающего не представлялось возможным. Вслед за Ф. фон Листом, писавшем о преступлении как «социально-патологическом явлении», Х.М. Чарыхов разделил факторы преступности на две группы – социальные и индивидуальные факторы (отрицая физические факторы). Он давал следующую классификацию преступлений: преступность экономическая (признававшаяся основной); патологическая; по

страсти и по случаю. Предлагались, исходя из этого, различные методы решения проблемы: в первом случае – преодоление экономических причин преступности, во втором – организация социальной профилактики и гигиены, в третьем и четвертом – развитие культуры и эмансипация индивида. «Культурный человек будущего, – полагал Чарыхов, – окажется в состоянии сдерживать свои гневные порывы и тем самым не доведет себя до преступления» [Чарыхов 1910, с. 144].

Различия классического (юридического) и нового (социологического) подходов были не менее выражены в интерпретации наказания. При этом первый, даже если принимал тезис о социальной обусловленности преступления (Н.С. Таганцев), усматривал в наказании социально необходимую меру защиты; второй (С.К. Гогель) отказывался от теории наказания в пользу идеи перевоспитания преступной личности и, соответственно, выдвигал ограничение сферы действия уголовно-правовых норм (сужение их действия и упрощение). Наконец, выдвигалась теория о взаимной связи и обусловленности преступления и наказания: «наказание как преступление и преступление как наказание». А.С. Гольденвейзер соглашался с тезисом Л.Н. Толстого (высказанном в его романе «Воскресение»), что «наказание – худшее из преступлений» [Гольденвейзер 1911]. Данный подход получил распространение в либеральной юриспруденции, особенно в связи с проблемой смертной казни. Если ряд юристов (напр., Б.Н. Чичерин) считали смертную казнь вполне допустимой, то представители социологической школы (С.А. Муромцев, Гернет, А.Ф. Кистяковский и др.) категорически отвергали этот путь наказания, рассматривая его как воспроизведение элементарного принципа талиона, недостойного современного образованного общества [Муромцев 2010; Гернет 1906].

Проблема установления наличия или отсутствия вины оказалась одной из центральных в этом споре. Как показал П.А. Сорокин, с социологической точки зрения не существует абсолютных критериев для таких понятий, как «преступление» и «кара», «подвиг» и «награда», – они подвержены исторической эволюции, как и понятие вины. Поиск критериев вины был связан с установлением самосознания личности, альтернативой которому выступали юридические критерии невменяемости (такие как детство, старость, идиотизм, сомнамбулизм, душевные болезни и аффекты). Наряду с этим фигурировали социально-психологические критерии, например, «дикость». Последняя определялась как состояние «полного отсутствия нравственной и умственной культуры, а с нею и понимания значения и свойств поступков и действий» [Дриль 1912, с. 140]. Учитывая, что большая часть населения страны (крестьянство) находилась, по существу, в дополитическом состоянии, понятие дикости могло получить и более широкую трактовку, будучи отнесенным к агрессивным революционным толпам, члены которых не могли быть оценены как носители сознания (вопреки идее М. Рейснера и советских юристов 1920-х гг. о «революционном правосознании масс» и «революционной законности» как выражении интуитивного «народного правосознания»).

В целом, под *преступлением* с позиций социологической теории понимается когнитивно-психологический феномен – стремление навязать обществу или другим индивидам свою картину мира и порядок общественных отношений, отвергая при этом порядок реализации этих целей, зафиксированный в действующем позитивном праве. Преступление определяется социальными факторами, но их действие не является тотально детерминированным, поскольку корректируется нравственным выбором. Сходным образом судья, если при определении наказания он не находит однозначного решения в законе, должен руководствоваться

внутренним нравственным убеждением. Примером реализации данного подхода могут служить речи известных русских адвокатов, защищавших преступников, в частности, террористов, на основании, главным образом, моральных аргументов и тех особенностей их личной психологии, которые делали их деяние морально приемлемым для суда присяжных.

Интегральная концепция личности: свобода выбора в переломные исторические эпохи

Единство гуманитарного знания, реализованное в рамках когнитивного подхода – это ключевой методологический принцип современной науки. Стремление к целостному анализу феномена человека («человеческой одушевленности»), представленное в теории ноосферы В.И. Вернадского, теории исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского, теории морали Л.И. Петражицкого, социального взаимодействия П.А.Сорокина и К.М. Тахтарева, стало отправной точкой для формирования современной когнитивно-информационной теории в гуманитарном познании [Лаппо-Данилевский 2010; Петражицкий 2010; Тахтарев 2006; Сорокин 1993]. Принципиальное значение данного интегрального подхода состоит в том, что науки, достигшие необходимого уровня теоретической определенности, сумевшие на междисциплинарном и доказательном уровне использовать полученные знания, стремятся выработать *общее представление о своем объекте – человеке*. Практический смысл такой интеграции методов хорошо виден при изучении не только стабильных или «нормальных» ситуаций, но и отклоняющихся – социальных патологий. В рамках философии права, социологии, криминологии, юридической антропологии, русской наукой была сделана попытка ответа на фундаментальный вопрос – что есть преступление и наказание, каковы должны быть подходы к их изучению и практическому конструированию, как совместить право и справедливость.

Ключевая проблема интерпретации личности – *вопрос о свободе воли*. Классическая школа склонялась к тому, что индивид наделен качеством свободной воли, способен выбирать между законопослушным и преступным поведением. Социологическая школа, напротив, отрицала (или ставила под сомнение) свободу воли, говоря о детерминированности поведения индивида биологическими или социальными причинами, к которым относились экономические, психологические и даже климатические. Для сторонников интегральной концепции личности было свойственно стремление объединить правовой и социологический подходы, исходя из формулы о праве как «гарантированном минимуме нравственности» (В.С. Соловьев). Так рассуждал, например, В.М. Бехтерев, согласно которому преступным следует признавать вообще все то, что приводит к нарушению *minimum*'а установленных норм общежития, причем, однако, юридическое толкование преступления требует, чтобы упомянутое нарушение было предметом ведения Уложения о наказаниях [Бехтерев 1991]. Бехтерев считал важным тезис психиатрической школы – требование разграничить подлинный преступный умысел (в уголовно-правовом смысле) от болезни, усматривая родство между преступлением и сумасшествием (душевным расстройством и вырождением). С этих позиций русскими социологами и психиатрами анализируются политические убийцы, политические и религи-

озные фанатики, которые не боятся смертной казни. В трудах В.М. Бехтерева, П.И. Ковалевского, П.А. Сорокина можно найти сходные формулировки этих явлений [Медушевский 2006].

Интеграция правового и социологического подходов была представлена в рамках антропологического (психологического) метода. Русская социологическая мысль отвергала те жесткие выводы антропологической школы (Ч. Ломброзо и его последователей), которые вступали в противоречие с либеральными политическими идеями: тезис о невозможности перевоспитания преступника; идею замены суда присяжных консилиумом врачей; трактовку «социальной гигиены» в пользу смертной казни для опасных преступников (например, террористов). Если дореволюционная наука не принимала Ч. Ломброзо из-за негуманности некоторых его выводов (об антропологической детерминированности преступного типа), то советская наука отрицала его идеи прежде всего из-за индивидуалистического подхода, тезиса о невозможности социального перевоспитания преступника, а также (что особенно важно) из-за отождествления им революционеров с преступниками.

Вопрос о *повиновении праву или отказе от него* во имя справедливости согласно антропологическому подходу есть проблема психологического самоопределения – гражданского выбора личности и общества, которая особенно остро встает в переломные эпохи кризиса социальных ценностей. Она может быть решена с позиций защиты системы социального регулирования и с позиций его разрушения, и там, где доминирует второй вариант, происходит крушение социального порядка и установление торжества насилия. Революция, с точки зрения европейской и русской антропологической науки данного периода, представляет собой очевидную социальную патологию, но в то же время содержит угрозу патологии в медицинском смысле для общества и индивидов, становящихся ее жертвами. «Революция» определяется в словаре В.И. Даля как «внезапная перемена состояния, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство» [Даль 1912, т. 3, с. 1667], а синонимами ей выступают понятия «смута», «восстание», «возмущение», «мятеж», «крамола», «насильственный переворот гражданского быта». Преступник – это человек, нарушивший порядок, зафиксированный в религиозных заповедях или государственных законах, «переступивший закон». Наконец, личность – человеческое существо, основным признаком которого является способность самостоятельного принятия решений. В Уголовном уложении 1903 г. находим аналогичное понимание преступления, в частности, такой его разновидности, как политические преступления. Таким образом, преступная личность – это понятие, охватывающее все формы нарушения закона – от самых ничтожных до стремления к ниспровержению всей их системы. Социология революции показала существо этой дилеммы и значение как социального, так и индивидуального выбора соответствующей модели поведения [Сорокин 2010].

Основной вывод русской социологической мысли состоял в необходимости целостного или *интегрального анализа человеческой личности* и выяснения причин конформного, девиантного и делинквентного поведения в переломные исторические эпохи. Противопоставляя фаталистическим и волюнтаристским марксистским теориям либеральную концепцию личности, русские ученые фактически приходили к выводу о том, что свобода есть возможность прислушиваться к голосу разума: *нравственная свобода* состоит в способности следования человека внушениям своего разума, отклоняясь от которого человек отдает себя во власть чувственных побуждений. Реконструкция теоретических и семантических

параметров делинквентного поведения в русской социологической традиции способствует выявлению устойчивых и значимых социологических конструкций, демонстрации их смысла для достижения *нравственной свободы человеческой личности*. Для утверждения этой свободы необходима новая публично-правовая этика, именно с ее разработкой связываются перспективные направления современной гуманитарной мысли.

Российская социологическая мысль как научная программа модернизации общества

С позиций когнитивной теории логика формирования и развития российской социологической мысли определяется стремлением объяснить ситуацию радикальной социальной трансформации и поиском смысла существования в ней мыслящего индивида. В условиях дестабилизации исторически сложившейся системы социального регулирования, характерной для традиционного общества, основным импульсом социологической теории стало выяснение путей преодоления разрыва права и реальности общественного сознания, а основным выводом – *создание новой публично-правовой этики*, способной согласовать нравственный идеал и реальность во имя устойчивого социального развития.

Социально-политический кризис интерпретировался по существу как социально-психологическое явление – *когнитивный диссонанс в обществе традиционного типа*, связанный с процессами глобализации, информатизации и взаимодействия культур. Его интерпретация отражена в доминирующих концепциях возрождения естественного права (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев); психологической теории права (Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий); социологической теории права (С.А. Муромцев, Ф.Ф. Кокошкин, Б.А. Кистяковский); антропологической теории с ее функциональными выводами (А.С. Лаппо-Данилевский, П.А. Сорокин), теории экономических и социальных циклов (Н.Д. Кондратьев), классового конфликта (недогматизированный марксизм) или системно-информационных изменений (А.А. Богданов). В них были предложены ответы на актуальные вопросы: статике и динамики, системного конфликта, структурно-функциональных изменений, соотношения экономических и социальных факторов, права и нравственности. Речь шла о соотношении естественных и приобретенных прав, негативных и позитивных прав, объективных и субъективных прав личности, определении права на достойное человеческое существование как предпосылки правового государства.

Основным выводом из этого анализа явилось *признание конфликта права и справедливости в качестве основной когнитивной причины и движущей силы социального кризиса*. Его внешним выражением предстал феномен правового дуализма (противоречивого сосуществования различных традиций права и правосознания в одном обществе), определяющий специфику нормативного регулирования в традиционных обществах на стадии быстрых изменений. Данный подход допускал заключение о существовании различных видов и уровней права и социального регулирования в обществе переходного типа, возможности социального и информационного обмена между группами, его выражения в сближении правовых систем, присущих этим группам или, наоборот, их противостоянии (иногда

в форме инверсии – выворачивания смысла принятых норм, институтов и практик наизнанку). С этих позиций (вполне соответствующих положениям современной неинституциональной теории) решались проблемы социальных функций права, которое может способствовать достижению социальной стабильности или, напротив, затруднять ее, причем делать это как на уровне формальных, так и неформальных практик. Становились возможными накопление данных и расширение междисциплинарных связей социологии с такими дисциплинами, как право, этнография, политическая экономия, психология, история институтов и учреждений. Были заложены основы социологии права, поставившей решение проблем в сравнительный контекст, разрабатывавшей функции права и механизмы его реализации. На этой основе сконструирована целостная концепция отношений общества и государства в русском историческом процессе, заложены основы такого направления, как социология революции.

Решение проблемы когнитивного срыва и социальной дисфункции (неповиновения праву, особенно в условиях революции) – соотношения конформного, преступного и девиантного поведения – усматривалось по линии преодоления правового дуализма – конфликта позитивного права и правосознания, углубляющееся расхождение которых ведет к противопоставлению права и справедливости (феномен так называемого правового нигилизма). Их сближение возможно по линии достижения ценностного консенсуса в отношении закона, когда нормы позитивного права не противоречат представлениям о справедливости, а последние не выступают в качестве выраженной альтернативы правовой системе. Утвердившаяся в постреволюционной России теория «революционного правосознания» и классовый подход к определению «мер социальной защиты» оказались, согласно этим позициям, тупиковым решением, поскольку возводили произвол и репрессии на место полноценного и осознанного принятия права. В понимании ситуации революционного крушения права и путей выхода из нее заключается рациональный выбор обществом определенных систем социального контроля, способных не допустить разрушения правовой системы во имя отвлеченных идеологических или нравственных идеалов. Выход из ситуации когнитивного диссонанса – это новая система образования, социальной и когнитивной адаптации, вообще социализации молодежи с целью вырвать ее из круга деструктивной девиации и направить к содержательной творческой деятельности. *Воспитание творческой личности*, способной не только рефлексивно транслировать культуру, но и создавать культурные ценности – вот основной вывод интегральной концепции личности. Ключевое значение здесь имеет положение о нравственной свободе как основе рационального самоопределения личности.

Основным политическим выводом из этого социологического анализа стала *концепция социальных реформ и правового государства*. Качественная разработка проблем социальной и правовой модернизации страны включала программу реформирования традиционного аграрного общества, института собственности и регламентации возможности отчуждения имущества при проведении социальных преобразований (проблема социальных функций права), экономических преобразований в направлении рыночной экономики, концепцию преступления, наказания и исправления личности, утверждения конституционализма и парламентаризма, решения вопросов территориального устройства, разделения властей, административных и судебных реформ, формирования рациональной и ответственной бюрократии. Концепция правового государства (т.е. сознательное огра-

ничество государства правом) в сочетании с концепцией эффективного государства в российской мысли охватывала разграничение понятий верховенства права и правового государства, его типологии, различающей либеральное правовое государство, демократическое правовое государство и социальное правовое государство, соотношения понятий правового государства и конституционного государства с точки зрения международного и внутреннего права и вариативности политических режимов в истории, наконец, определения рамок и условий возможного временного отступления от принципов правового государства в ситуации политических кризисов или чрезвычайного положения. С этих позиций выясняется социальное содержание и подлинность конституционных гарантий прав человека.

Преобразование этих идей в *программу политических реформ* предполагает внимание к структурным и функциональным параметрам переходных режимов. Разработка концепции переходного периода от авторитаризма к демократии, представленная русской социологической традицией, сохраняет актуальность по следующим параметрам: соотношение понятий революции и конституционной реформы; моделей конституирующей (учредительной) и конституционной власти; преемственности и разрыва права, в частности, выработки правовых гарантий договорных отношений между политическими партиями; учет срывов на этом пути (феномен переворотов в праве, конституционного параллелизма и мнимого конституционализма); разработка проведения административных и судебных реформ в обществе переходного типа; заимствование иностранных моделей с учетом эффективности их функционирования в других социальных условиях; выстраивание стратегии и тактики либерального конституционного движения. С этих позиций актуален анализ дуалистических систем в истории, причин их неустойчивости; переворотов в них, а также других особенностей российских переходных режимов – прерогатив главы государства, соотношения указа и закона; указного права главы государства и контроля над его применением; института исключительного положения; механизма функционирования гражданского общества, избирательной системы и политических партий; прав человека и границ делегированных полномочий администрации, спящих и метаконституционных полномочий главы государства. Все эти проблемы, как показывает обращение к постсоветским политическим дебатам, не стали со временем менее актуальны.

Признаками качества научного прогноза (в отличие от предсказания, основанного на интуиции) следует признать высокий уровень философской абстракции, способной подняться над случайными обстоятельствами, затемняющими чистые формы явлений, понимание механизмов изучаемых процессов и связанных с ними конфликтов, способность указать конкретный и понятный выход из ситуации, правильность которого может быть затем установлена и верифицирована на доказательном уровне. Если отсутствует один из параметров, прогноз не может быть признан качественным. Именно последний критерий отличает научный прогноз и позволяет отвергнуть многие доктрины в силу их элементарной неверифицируемости. Представляется, что *социологическая концепция социального кризиса в обществах переходного типа, выдвинутая в русской науке, обладает этими тремя параметрами и может быть признана ценной моделью научного прогноза, реализовавшегося в значительной степени в ходе развития страны в XX в.* Действительно, философский уровень концепции чрезвычайно высок: она включает обоснованную критику всей предшествующей российской интеллектуальной традиции, дает анализ кризиса на макроуровне в широкой сравнительной перспективе,

раскрывая механизмы и особенности его разворачивания в российском обществе, формулирует основную проблему эпохи быстрых социальных изменений – когнитивный срыв общества, т.е. конфликт этического идеала (совершенного именно в силу своей абстрактности) и права, а также самой социальной реальности. Данная концепция отнюдь не идеализирует реальность, выдвигая обоснованное предположение о возможности деструктивных социальных конфликтов, ретрадиционализации и срывов модернизации (в том числе в отношении судеб самой науки и интеллигенции), говорит о цикличности экономических, социальных и политических процессов, затрудненных традиционализмом массового сознания, однако предлагает систему рекомендаций, направленных на посткризисную стабилизацию и обеспечение устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Этот вывод определяет научную программу и стратегию модернизации современной России [Медушевский 2014].

Россия в XX – начале XXI вв. испытала деструктивное воздействие трех кризисов и двух тоталитарных идеологий – коммунизма и фашизма. Распад СССР в конце XX в. не только обозначил крах коммунизма, но и поставил человечество перед необходимостью создания новых конструктивных стратегий социального развития. Целесообразно добиться минимизации подобных кризисов, а в идеале – научиться управлять ими. На всех этапах разворачивания этих кризисов (и едва ли не фатально следовавших за ними войн) существовала точка когнитивного самоопределения общества, когда возможно было если не повернуть мировое развитие, то, во всяком случае, ослабить деструктивное воздействие волн кризиса. В этой точке социально-психологической неопределенности критическое значение имеет *появление качественных научных теорий, проектов преобразований и прогнозов как основы конструирования социальной реальности* и способность общества (интеллигенции и элиты) услышать их и принять к действию. К таким прогнозам принадлежат ключевые выводы классиков русской социологии, значение которых за истекшие годы стало не меньше, но, скорее, больше, чем в момент их появления.

Литература

- Берлин И. (2014) История свободы. М.: Новое литературное обозрение.
Бехтерев В.М. (1991) Объективная психология. М.: Наука.
Богданов А. (1925) Всеобщая организационная наука (Тектология). М.: Госиздат. Ч. 1–2.
Валицкий А. (2012) Философия права русского либерализма. М.: Мысль.
Вернадский В.И. (1977) Размышления натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. М.: Мысль.
Вежи. Сборник статей о русской интеллигенции (1989). М.: «Новости».
Гернет М. (1906) Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уголовного права. М.: С. Скирмунт.
Гессен В.М. (2010) Основы конституционного права. М.: РОССПЭН.
Гогель С.К. (1910) Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб.: Издательство А.Г. Зозена.
Гольденвейзер А.С. (1911) Преступление как наказание, а наказание как преступление. Киев: Издательство Р.К. Лубковского.
Даль В.И. (1912) Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольфа.
Де Роберти (1909) Новая постановка основных вопросов социологии. М.: Общественная польза.

- Диалог культур: пространство, время и смысл существования в науках о человеке (Презентация книг О.М. Медушевской) (2014) // Гуманитарное знание и вызовы времени. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив Университетская книга. С. 273–281.
- Дриль Д.А. (1912) Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб.: Шиповник.
- Единство гуманитарного знания: новый синтез. Сборник статей. (2007). М.: РГГУ.
- Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Сборник статей (1998). М.: РГГУ. С. 17–26.
- Кареев Н.И. (1996) Основы русской социологии. СПб.: Изд. И. Лимбаха
- Кистяковский Б.А. (2010) Избранное. М.: РОССПЭН.
- Ковалевский М.М. (1997) Социология. СПб.: Алетейя.
- Когнитивная история. Концепция, методы, исследовательские практики. Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской (2011). М.: РГГУ.
- Кокошкин Ф.Ф. (2010) Избранное. М.: РОССПЭН.
- Кондратьев Н.Д. (1993) Избранные сочинения. М.: Прогресс.
- Кони А.Ф. (1896) Антропологическая школа в уголовном праве // Кони А.Ф. За последние годы. СПб.: С.Скирмунт.
- Конституционные проекты в России XVIII–XX в. (2010) М.: РОССПЭН.
- Коркунов Н.М. (2010) Лекции по общей теории права. М.: РОССПЭН.
- Криминология. XX век. (2000). СПб.: Юридический центр.
- Крицман Л. (1926) Героический период великой русской революции (опыт анализа т.н. «военного коммунизма»). М.: ГосИздат.
- Круглый стол по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (2010) // Российская история. № 1. С. 131–166.
- Лаппо-Данилевский А.С. (2010) Методология истории. М.: РОССПЭН.
- Медушевская О.М. (2008) Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ.
- Медушевская О.М. (1) (2010) Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. № 11. С. 63–73.
- Медушевская О.М. (2) (2010) Теория исторического познания: избранные произведения. СПб.: Университетская книга.
- Медушевская О.М. (2013) Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Медушевский А.Н. (1993) История русской социологии. М.: Высшая школа.
- Медушевский А.Н. (1) (2005) Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI веков. М.: Наука.
- Медушевский А.Н. (2) (2005) Теория конституционных циклов. М.: ВШЭ.
- Медушевский А.Н. (2006) Социология права. М.: Теис.
- Медушевский А.Н. (2009) Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. № 10. С. 70–92.
- Медушевский А.Н. (2010) Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX вв. М.: Новый Хронограф.
- Медушевский А.Н. (2014) Ключевые проблемы российской модернизации. М.: Директ-Медиа.
- Муромцев С.А. (2010) Избранные труды. М.: РОССПЭН.
- Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия (2005). М.: РОССПЭН.
- Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления (2011). М.: РОССПЭН.
- Ону А.М. (1929) Социологическая природа революции // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову 1859–1929. Прага: Орбис.
- Острогорский М.Я. (2010) Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН.
- П.Н.Милюков: историк, политик, дипломат (2000). М., РОССПЭН.
- Петражицкий Л.И. (2010) Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М.: РОССПЭН.
- Покровский М.Н. (1924) Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М.: Главполитпросвет.
- Ростовцев М.И. (2003) Рождение Римской империи. М.: Книжная находка.
- Рожков Н. (1923) Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. VIII (Демократическая революция в Западной Европе). М., Пг.: Книга.

- Сорокин П.А. (1993) Система социологии. М.: Наука.
- Сорокин П.А. (1999) Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Сорокин П.А. (2010) Социология революции. М.: РОССПЭН.
- Тахтарев К.М. (2006) Социологические труды. СПб.: РХГА.
- Тимашев Н.С. (1961) Развитие социологии права и ее сфера // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М.: Иностранная литература. С. 479–508.
- Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. Сборник статей (1999). М.: РГГУ.
- Туган-Барановский М.И. (1998) Основы политической экономии. М.: РОССПЭН.
- Фойницкий И.Я. (1916) Курс уголовного права. Пг.: Юридическое общество при Пг. Университете.
- Чарыхов Х.М. (1910) Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М.: МГУ.
- Шкаратан О.И. (2014) Евразийский вектор русского цивилизационного транзита // Общественные науки и современность. № 3. С. 73–83.
- Foinitsky I. (1907) Mémoire sur la nomenclature internationale des délits en général et sur la statistique de la récidive, présenté au IX Congrès international de statistique. SPb. Юридическое общество при Пг. Университете. P. 5.

Russian Sociological Thought: Key Concepts in Light of Cognitive Theory

A. MEDUSHEVSKII*

***Andrei Medushevskii** – Doctor of Philosophy, Tenure Professor, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics. Address: 13, Il'inka St., Moscow, Russian Federation. E-mail: amedushevsky@mail.ru

Citation: Medushevskii A. (2015) Russian Sociological Thought: Key Concepts in Light of Cognitive Theory. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 108–132 (in Russian)

Abstract

Within international social thought the Russian sociological tradition has certain peculiarities inspired by its historical origins, its structural place in humanities generally, and its practical involvement in social transformation. It is also marked by its holistic perception of social phenomena and crises, state-society relations, crime and punishment, and personality.

The backbone of such theoretical constructions is the ethical idea that intellectuals bear the legal, social and moral responsibility for social developments. Contrary to Western sociological theories this element of the Russian tradition changed the

interpretation of many classical issues in sociology substantially, and determined the prevailing interest in the study of contradictions between static and dynamic forms of regulation, the circulation of social frames, positive law and justice (legal dualism), extra-legal forms of property relations, behaviour, and deviation.

An effective reconstruction of these key positions of the Russian sociological thought is possible on the basis of cognitive theory—a new theoretical approach which emphasizes the role of psychological attitudes of individuals and social groups in the process of cognitive adaptation and purpose-oriented behaviour. All these aspects of the Russian sociological heritage have been largely neglected by scholars, although they are highly relevant for understanding the revolutionary transformations in the 20th century, as well as social experiments in the post-Soviet era.

Keywords: sociological tradition, cognitive theory, circulation of social frames, law and justice, legal dualism, personality, social deviations, revolution, reform, modernization, state-society relations, public ethics

References

- BechtereV V.M. (1991) *Ob'ektivnaya psichologiya* [Objective Psychology], Moscow: Nauka.
- Berlin I. (2014) *Istoriya svobody* [A History of Liberty], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bogdanov A. (1925) *Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (Teknologiya)* [A General Managerial Science (Tektology)], Moscow: Gospolitizdat.
- Charykhov H.M. (1910) *Uchenie o faktorach prestupnosti. Sotsiologicheskaya schkola v nauke ugovnogo prava* [The Study on Criminality Factors. Sociological School in the Science of Criminal Law], Moscow: MGU.
- Dal' V.I. (1912) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh tt.* [The Interpretative Dictionary of the Living Russian Language. In 4 Volumes], St. Peterburg, Moscow: M.O. Volf.
- De Roberti (1909) *Novaya postanovka osnovnykh voprosov sotsiologii* [A Redefinition of the Main Problems in Sociology], Moscow: University Press.
- Dialog kultur: prostranstvo, vremya i smysl sushchestvovaniya (Prezentatsiya knig O.M. Medushevskoi) (2014) [The Dialog of Cultures: the Space, Time and Sense of Existence in Human Sciences (the Presentation of Olga M. Medushevskia Books)]. *Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni* [The Humanitarian Knowledge and Challenges of Time], Moscow-Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, pp. 273–281.
- Dril D.A. (1912) *Uchenie o prestupnosti i merach borby s neyu* [The Study of Criminality and Measures to Confront It], Petersburg: Shipovnik.
- Edinstvo gumanitarnogo znaniya: novyi sintez* (2007) [The Unity of Humanitarian Knowledge: A New Synthesis], Moscow: RGGU.
- Foinickii I. Ia. (1916) *Kurs ugovnogo prava* [The Course of Criminal Law], Petersburg: Yuridicheskoe obshchestvo pri Petrogradskom Universitete.
- Foinitsky I. (1907) *Mémoire sur la nomenclature internationale des délits en général et sur la statistique de la récidive, présenté au IX Congrès international de statistique*, Petersburg: Juridicheskoe obshchestvo pri Petrogradskom Universitete.
- Gernet M. (1906) *Obshchestvennye prichiny prestupnosti. Sotsiologicheskoe napravlenie v nauke ugovnogo prava* [Social Causes of Criminality. Sociological Trend in the Science of Criminal Law], Moscow: S Skirmunt.
- Gernet M.N. (1974) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Yuridicheskaya literatura.

- Gessen V.M. (2010) *Osnovy konstitutsionnogo prava* [Grounds of Constitutional Law], Moscow: ROSSPEN.
- Gogel S. K. (1910) *Kurs ugolovnoi politiki v svyazi s ugolovnoi sotsiologii* [The Course of Criminal Politics in the Connection With the Criminal Sociology], Petersburg: A.G. Zozen.
- Goldenevizer A. S. (1911) *Prestuplenie kak nakazanie, a nakazanie kak prestuplenie* [Crime as Punishment and Punishment as Crime], Kiev: R.K. Lubkovskii.
- Istoricheskaya antropologiya v sisteme sotsialnykh nauk, istochniki i metody interpretatsii* (1998) [Historical Anthropology in the System of Social Sciences, Sources and Methods of Interpretation], Moscow: RGGU.
- Kareev N.I. (1919) *Obshchie osnovy sotsiologii* [The General Grounds of Sociology], Petrograd: University Press.
- Kistiakovskii B.A. (2010) *Izbrannoe* [Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Kognitivnaya istoriya. Kontseptsiya, metody, issledovatel'skie praktiki. Chteniya pamyati professora Olgi Michailovny Medushevskoi* (2011) [Cognitive History. Concept, Methods, and Research Practices. Readings in Honor of Professor O.M. Medushevskaiia], Moscow: RGGU.
- Kokoschkin F.F. (2010) *Isbrannoe* [Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Kondrat'ev N.D. (1993) *Isbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress.
- Koni A.F. (1898) *Antropologicheskaya shkola v ugolovnom prave* [Anthropological School in Criminal Law]. Koni A.F. *Za poslednie gody* [From Last Years], St. Petersburg: S. Skirmunt.
- Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII–XX vekov* (2010) [Constitutional Projects in Russia XVIII–XX Centuries], Moscow: ROSSPEN.
- Korkunov N.M. (2010) *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on General Theory of Law], Moscow: ROSSPEN.
- Kovalevskii M.M. (1997) *Sotsiologiya* [Sociology], Moscow: Aleteia.
- Kritsman L. (1926) *Geroicheskii period velikoi russkoi revoliutsii (opyt analiza tak nazyvaemogo "voennogo kommunizma")* [The Heroic Period of the Great Russian Revolution (an Experience in Investigation of the so-called "Military Communism")], Moscow: Gosizdat.
- Kriminologiya. XX vek* (2000) [Criminology. XX Century], Petersburg: Yuridicheskii Tsent.
- Kruglyi stol po knige O.M. Medushevskoi "Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii" (2010). [The Round Table on the Book of O.M. Medushevskaiia – "Theory and Methodology of Cognitive History"]. *Rossiiskaya istoriya*, no 1, pp. 131–166.
- Lappo-Danilevskii A.S. (2010) *Metodologiya istorii* [Methodology of History], Moscow: ROSSPEN.
- Medushevskaya O.M. (2008) *Teoriya i metodologiya kognitivnoi istorii* [Theory and Methodology of Cognitive History], Moscow: RGGU.
- Medushevskaya O.M. (1) (2010) *Kognitivno-informatsionnaia teoriya v sociologii istorii i antropologii* [Cognitive-Information Theory in Sociology of History and Anthropology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 63–73.
- Medushevskaya O.M. (2) (2010) *Teoriya istoricheskogo poznania. Isbrannye trudy* [Theory of Historical Epistemology. Selected Works], Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Medushevskaya O.M. (2013) *Prostranstvo i vremya v naukach o cheloveke. Izbrannye proizvedeniya* [Space and Time in Human Sciences. Selected Works], Moscow: Tsent gumanitarnykh initsiativ.
- Medushevskii A.N. (1993) *Istoriya Russkoi Sotsiologii* [History of Russian Sociology], Moscow: Visshaya Shkola.
- Medushevskii A.N. (1) (2005) *Proekty agrarnykh reform v Rossii XVIII–XXI vekov* [Projects of Agrarian Reforms in Russia XVIII–XXI Centuries], Moscow: Nauka.
- Medushevskii A.N. (2) (2005) *Teoriya konstitutsionnykh tsiklov* [Theory of Constitutional Cycles], Moscow: HSE.
- Medushevskii A.N. (2006) *Sotsiologiya prava* [Sociology of Law], Moscow: Teis.
- Medushevskii A.N. (2009) *Kognitivno-informatsionnaya teoriya kak novaya filosofskaya paradigma gumanitarnogo poznaniya* [Cognitive-Information Theory as a New Philosophical Paradigm in Humanitarian Epistemology]. *Voprosy filosofii*, no 10, pp. 70–92.
- Medushevskii A.N. (2010) *Dialog so vremenem: rossiiskie konstitutsionalisty konca XIX – nachala XX vv.* [Dialog with the Past: Russian Constitutionalists at the End of XIX – the Beginning of XX Centuries], Moscow: Novyi Khronograf.

- Medushevskii A.N. (2014) *Klyucheveye problemy rossiiskoi modernizatsii* [The Key Problems of Russian Modernisation], Moscow: Direkt-Media.
- Muromtsev S. A. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – nachala XX veka. Entsiklopediya* (2005) [Social Thought in Russia XVIII – the beginning XX Century. Encyclopedia], Moscow: ROSSPEN.
- Obshchestvennaya mysl' v Rossii: istoki, osnovnye napravleniya* (2011) [The Social Thought in Russia: sources and main trends], Moscow: ROSSPEN.
- Onu A.M. (1929) *Sotsiologicheskaya priroda revolutsii. Sbornik statei, posvyascennykh Pavlu Nikolaevichu Milyukovu 1859–1029* [Sociological Nature of Revolution. The Collection of Articles in Honor of Pavel Nikolaevich Milyukov. 1859–1029], Praga: Orbis.
- Ostrogorskii M.Ia. (2010) *Demokratiya i politicheskie partii* [Democracy and Political Parties], Moscow: ROSSPEN.
- Petrzhitskii L.I. (2010) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of Law and State in the Connection with the Theory of Morals], Moscow: ROSSPEN.
- Pokrovskii M.N. (1924) *Ocherki russkogo revoliutsionnogo dvizheniya XIX–XX vv.* [Outlines of the Russian Revolutionary Movement of XIX–XX Centuries], Moscow: Glavpolitprosvet.
- Rozhkov N. (1923) *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom izlozhenii (Osnovy sotsialnoi dinamiki)* [Russian History in Comparative-historical Explanation (The Grounds of Social Dynamic)]. T. VIII (Demokraticeskaya revolutsia v Zapadnoi Evrope) [Democratic Revolution in Western Europe], Moscow: Gosizdat.
- Shkaratan O.I. (2014) Evraziiskii vector russkogo tsivilisatsionnogo tranzita [Eurasian Vector of the Russian Civilisation Trend]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 73–83.
- Sorokin P.A. (1993) *Sistema sotsiologii* [System of Sociology], Moscow: Nauka.
- Sorokin P. A. (1999) *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada. Sotsiologicheskii etud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and Punishment, Feat and Reward. Sociological Etude on Basic Forms of Social Behavior and Moral], Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
- Sorokin P.A. (2010) *Sotsiologiya Revolutsii* [Sociology of Revolution], Moscow: ROSSPEN.
- Takhtarev K.M. (1919) *Nauka ob obshchestvennoi zhizni (sotsiologiya)* [The Science About Social Life (Sociology)], Petrograd: University Press.
- Timashev N.S. (1961) Razvitie sotsiologii prava i ee sfera [The Development of Sociology of Law and its Area]. Bekker G, Boscov A. *Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya* [Contemporary Sociological Theory], Moscow: Inostrannaya literatura, pp. 479–508.
- Tochnoe gumanitarnoe znanie: traditsii, problemy, metody, rezultaty* (1999) [The Precise Humanitarian Knowledge: Traditions, Problems, Methods, Results], Moscow: RGGU.
- Valicki A. (2012) *Filosofiya prava russkogo liberalizma* [A Philosophy of Law of the Russian Liberalism], Moscow: Mysl'.
- Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* (1989) [Milestones. A Collection of Articles on Russian Intelligentsia], Moscow: Novosti.